

Русские послы в Париже (1807–1812 гг.): на пути к конфронтации

Григорий Д. Галдилов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ggaldilov@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена дипломатическим коллизиям, связанным с русскими послами в Париже. Начало XIX в. для взаимоотношений России и Франции стало крайне плодотворным на заключенные союзы о дружбе и «войны за справедливость». Недаром взаимоотношения Александра I и Наполеона не раз становились объектом исследований, однако многие феномены этой эпохи оставались за скобками исследовательских интересов. Русское посольство и его экспертно-аналитическая деятельность один из таких сюжетов.

Русские послы в Париже являлись непосредственными проводниками воли русского императора на политической арене международных отношений, однако при этом оставались полностью зависящими от него «переменными» дипломатической игры двух императоров. Несмотря на кажущуюся самостоятельность, они едва могли претендовать на обособленность. В статье показан пример двух русских послов, графа П.А. Толстого и князя А.Б. Куракина, противоположных по своим взглядам, но проводившим политику на сближение с Францией, идеи которых, однако, никак не влияли на уже идущую партию самого Александра I, сделавшего их заложниками ситуации.

Ключевые слова: Россия, Париж, Наполеон Бонапарт, Александр I, русское посольство, дипломатия

Для цитирования: Галдилов Г.Д. Русские послы в Париже (1807–1812 гг.): на пути к конфронтации // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2020. № 1. С. 43–51. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-43-51

Russian ambassadors in Paris (1807–1812). On the way to confrontation

Grigory D. Galdilov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ggaldilov@inbox.ru*

Abstract. The article is devoted to the diplomatic conflicts associated with the Russian ambassadors in Paris. For relations between Russia and France the beginning of the 19th century became extremely productive in terms of the concluded friendship alliances and for the “wars for justice”. For good reason the relationship between Alexander I and Napoleon more than once became an object of research, but many of the phenomena of that era remained outside the scope of research interests. The Russian Embassy and its expert-analytical activity is one of such subjects.

Russian ambassadors in Paris were the direct guides of the will of the Russian Emperor in the political arena of international relations, but being completely dependent on him they remained the “variables” in a diplomatic game of the two emperors. Despite their apparent independence, they could hardly claim apartness. The article shows the example of two Russian ambassadors, the count P.A. Tolstoy and prince A.B. Kurakin, opposite in their views, still they were pursuing a policy of rapprochement with France. Their ideas, however, did not affect the already running political game of Alexander I, who made them hostages of the situation.

Keywords: Russia, Paris, Napoleon Bonaparte, Alexander I, Russian embassy, diplomacy

For citation: Galdilov, G.D. (2020), “Russian ambassadors in Paris (1807–1812). On the way to confrontation”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 43–51. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-43-51

Введение

Внешняя политика Российской империи первой четверти XIX в. не раз становилась объектом исследований. Особый интерес исторической науки почти всегда был прикован к личным взаимоотношениям двух императоров: Наполеона и Александра I, тем самым выпуская из исследовательского поля проблемы функционирования международных сношений на европейском континенте. Не последнюю роль для четкого понимания и выстраивания политической направленности всей политики Российской империи

в Европе сыграло посольство в Париже, редко фигурирующее в исследованиях¹.

Таким образом, изучение российских дипломатических ведомств с позиций экспертно-аналитической деятельности определяет значение гибкости Российской империи на внешнеполитической арене. А находившееся на основном фронте дипломатической войны первой четверти XIX в. русское ведомство в Париже стало центром политических интриг во всей Европе, проводниками которых явились и два посла – граф П.А. Толстой и князь А.Б. Куракин.

На пути к миру

После поражения под Аустерлицем и фактическим разгромом Третьей антифранцузской коалиции российский император, едва избежавший французского плена на поле битвы, решил переосмыслить внешнюю политику. Под предлогом обмена пленными в Париж был отправлен П.Я. Убри. Его фактическое задание было крайне трудным. Он, не имея полномочий посла, должен был представлять внешнюю политику и «предварительно» дружеские намерения Российской империи перед недавно самопровозглашенным императором Бонапартом и его министрами, к тому же скованный необходимостью согласовывать любые вопросы с союзнической Англией в лице лорда Ярмута, «заложника сложившейся ситуации»².

Переговоры вновь шли тяжелейшим путем. Галейран, знавший о слабостях и наивности молодого русского дипломата, легко вывел из миссии Убри выгоду для Франции, на которую император Александр I не мог пойти из принципа. Этой «выгодой» оказался «Мир на вечные времена», подписанный Петром Яковлевичем на свой страх и риск³, превысив делегированные ему полномочия. «Я должен думать, как оправдаться в Петербурге», – говорил он [Труайя 1997, с. 100–101], показывая в Берлине текст мирного

¹ См. подробнее: *Иощенко О.С.* Русские дипломаты в Париже: 1800–1812 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. Автор рассматривает в своей диссертации вопросы, касающиеся составления исторических портретов русских дипломатов в Париже, однако берет непосредственно лишь личности послов.

² Дипломатические отношения России и Франции в эпоху Наполеона (1800–1808 гг.) / Под ред. А.С. Трачевского // Сборник Русского исторического общества. Т. 82. СПб., 1890–1895. С. 396–434.

³ *Tour J. de la.* Les premiers de l'alliance franco-russe. Deux missions de Barthelemy Lesseps a Saint-Petersbourg. Paris, 1914. P. 17.

договора К.В. Нессельроде⁴. Убри был в невыгодном положении. С одной стороны, ореол побед французского императора не представлял ему иной возможности для торга, с другой – Наполеон воплотил в жизнь давнюю идею канцлера Франции Мазарини [Губер 2000, с. 244–247] о создании оборонительного союза [Lossky 1994, р. 60–61], что также сковало Россию в «германском вопросе».

В Петербурге договор был встречен еще хуже, чем мог представить себе Убри. Граф Строганов писал: «Невозможно называться русским и не умереть от стыда, читая этот необыкновенный документ» [Труайя 1997, с. 101]. Даже огромные потери армии, о которых заявляли генерал М.И. Кутузов и адмирал П.В. Чичагов, не остановили жажду войны, а ушедший с поста министра иностранных дел А. Чарторыйский уже не мог защищать позицию мирного договора. Сменивший его на этом посту барон А.Я. Будберг был непреклонен, договор был отправлен на «свалку истории», а П.Я. Убри понижен в должности и отправлен секретарем в российское посольство в Берлине⁵. «Наполеон протягивает руку мира, а русский царь ее отвергает», – шептались в кулуарах дипломатии [Сироткин 1966, с. 55]. Однако скорые поражения под Прейсиш-Эйлау и Фридландом вновь заставили обратиться к доводам о мире.

Посольство графа П.А. Толстого: конфронтация на фоне дружбы

Небольшой город Тауроген, расположившийся на живописных берегах реки Юры, 20 июня 1807 г. стал местом, где предпринимались первые шаги по установлению мира в Европе. Князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский в составе небольшой делегации отправился в расположение французской ставки Бонапарта с предложением о перемирии. В переговорах с маршалом Бертье, а затем и самим Наполеоном было решено устроить личную встречу между императорами на нейтральной приграничной территории, а не доверять заключение союза очередному «молокососу вроде Убри»⁶. Это место – Тильзитский замок на Немане, ставший главной «политической столицей» всей Европы.

⁴ *Нессельроде К.В.* Воспоминания // Русский архив. СПб., 1905. Кн. 2. № 8. С. 504–505.

⁵ *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: Опыт исторического исследования: с 12-ю таблицами портретов и рисунков. 2-е изд. СПб., 1914. С. 51.

⁶ Там же. С. 56–57.

Заключение Тильзитского мира вскрыло недоверие «английской партии» к политике императора, а порой и открытое ей противостояние. Ближайшее окружение Александра I неминуемо должны были покинуть такие деятели, как Н.Н. Новосильцев, С.Н. Воронцов, В.П. Кочубей, П.А. Строганов, А.Е. Чарторыйский и многие другие. Во внешней политике Российской империи наметился курс на сближение с Францией, а «негласный комитет», как никто другой, противился этой мысли. Политика императора вызывала недоумение в высших политических и общественных кругах Петербурга, вследствие этого новым послом в Париж был назначен не умелый дипломат, но великолепный военный, беспрекословно подчиняющийся приказам императора. Им стал генерал от инфантерии, граф П.А. Толстой, известный своими открытыми антифранцузскими настроениями⁷.

Державшийся в стороне от настроений петербургского общества П.А. Толстой должен был лишь в точности выполнять поручения императора⁸. Основной его задачей в Париже было «взрастить связь, образовавшуюся между Россией и Францией, стараться сделать ее теснее при каждом случае»⁹. Посол Наполеона в Париже Рене Савари, герцог Ровиго, писал о нем в своих «Мемуарах»: «Один из важнейших людей при дворе императора Александра I»¹⁰.

По прибытию в Париж Толстой провел ряд встреч с министрами Бонапарта и произвел большое впечатление человека прямолинейного и порой даже недипломатичного. По воспоминаниям графа Нессельроде, прибывшего в составе миссии Толстого, можно судить о бесцеремонности чрезвычайного посла Российской империи. «Он имел много здравого смысла, благородный и твердый характер, однако не привык жить в высшем свете»¹¹.

Высказывание графа Нессельроде не лишено смысла. П.А. Толстой, не будучи профессиональным дипломатом, боялся выйти за

⁷ Фигура П.А. Толстого является очень неоднозначной в ряду русских послов в Париже первой четверти XIX в., для более четкого понимания личности см. подробнее: *Коробко М.Ю.* Граф Петр Александрович Толстой (1769–1844): материалы к биографии // Московский журнал. 2011. № 12. С. 2–9.

⁸ *Шильдер Н.К.* Посольство П.А. Толстого в Париже (1807–1808) // Сборник Русского исторического общества. Т. 89. СПб., 1893. С. LXXII.

⁹ Там же. С. 97–100.

¹⁰ *Savary A.J.M.R.* Mémoires du duc de Rovigo pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon. Paris, 1828. Т. 3. Р. 120–122.

¹¹ *Нессельроде К.В.* Воспоминания // Русский архив. СПб., 1905. Кн. 2. № 8. С. 510–511.

рамки предоставленных ему инструкций, и почти на любые намерения Бонапарта «обсудить дела внешней политики»¹² старался уйти в тень. «Он хороший человек, но наполнен предрассудками, недоверием к Франции и вовсе не в уровень с высотой Тильзитских договоренностей», – писал о нем Наполеон¹³. К тому же антифранцузские настроения русского посла стали в скором времени трудно скрываемы в беседах с высшими кругами французской знати.

«Цели Бонапарта очевидны... Он хочет превратить нас в Азиатскую державу и отбросить к старым границам», – сообщал в личной переписке с графом Румянцевым П.А. Толстой¹⁴. Все последующие письма, содержания которых отрывочно доходили и до Бонапарта, включали в себя главную мысль, что России необходимо готовиться к новой войне с Францией. Однако столь яростное противодействие миру между двумя державами и инструкциям, данным ему в Петербурге, заставили усомниться в его способности следовать приказам и самого Александра. Необходим был повод для снятия П.А. Толстого с должности, и вскоре он нашелся – русско-французский Конгресс в небольшом городке Эрфурт.

«Милостивый государь, брат мой!..»

На протяжении двух недель в прусском городке Эрфурт проходила встреча двух императоров. Основным вопросом мероприятий, проводившихся в декорациях балов, великолепных приемов и показной дружбы двух могучих империй, стал пересмотр франко-русского соглашения 1807 года [Манфред 1980, с. 603]. Мир Тильзита подходил к концу, в отношениях между Наполеоном и Александром I намечался разлад. Все вопросы, интересовавшие Бонапарта, наталкивались на решительное сопротивление русской стороны, лишь незначительные уступки разбавляли отрицательные ответы императора России, например, назначение на пост русского посла А.Б. Куракина, человека известного своими профранцузскими речами.

Опытный дипломат, прозванный в высшем свете «бриллиантовый князь», принимал участие в разработке Тильзитских соглашений, что только импонировало Бонапарту. В отличие от Толстого, не верящего в дружбу России и Франции, А.Б. Куракин, напротив,

¹² Соловьев С.М. Император Александр Первый. Политика. Дипломатия. СПб., 1877. С. 163.

¹³ Там же.

¹⁴ Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 185–190.

очень хотел стать связующим звеном между двумя императорами. Однако это стремление можно трактовать как проявление обыкновенной зависти к доверительным отношениям между Александром I и французским послом в Петербурге А. де Коленкурором.

Выступающий за примирение двух стран еще после Аустерлицкого сражения¹⁵, А.Б. Куракин верил, что политика царя по отношению к Франции имела дружественный характер. Однако несмотря на это вдовствующая императрица Мария Федоровна, перед его отъездом в Париж, старалась повлиять на его будущее отношение к Бонапарту¹⁶. А уже упоминавшийся граф К.В. Нессельроде отзывался о Куракине крайне негативно: «Человек недалекий и с большим багажом странностей»¹⁷.

Однако после нескольких месяцев в Париже русский посол стал осознавать, что дружба императора Александра была лишь иллюзией, хорошо сохраняемая перед Бонапартом Ш.-М. Талейраном, пусть уже и не занимавшим пост министра внешних сношений. Положение Куракина во французской столице становилось все труднее, инструкций из Петербурга поступало все меньше, а ситуация стремительно приобретала негативный характер. Омрачались отношения между двумя империями и началом экономической войны между Россией и Францией¹⁸. Наполеон не шел на уступки России.

В одном из последних разговоров Куракина и французского императора русский посол спросил: «...Мне непонятно, во имя чего Ваше Величество жертвует Россией?»¹⁹. Ответа на этот вопрос ему не суждено было получить, он спешно покинул Париж в удрученном состоянии, а уже спустя несколько дней французская армия вторглась на территорию Российской империи. По меткому определению Талейрана: «Это было начало конца» [Борисов 1986, с. 253].

Черета поражений французской армии получила логическое завершение в «заговоре Мале» и торжественном входе русской армии в Париж, получившем нового чрезвычайного посла Россий-

¹⁵ *Куракин А.Б.* Записка поданная Куракиным императору Александру Павловичу после Аустерлицкого сражения // Русский архив. СПб., 1869. С. 1125–1138.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Нессельроде К.В.* Воспоминания // Русский архив. СПб., 1905. Кн. 2. № 8. С. 512–513.

¹⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века // Сборник документов российского министерства иностранных дел. Серия 1. М.: Госполитиздат, 1960–1979. Т. 4. С. 422.

¹⁹ *Tour J. de la.* Op. cit. P. 285.

ской империи. Им стал корсиканец, дальний родственник свергнутого императора французов, К.О. Поццо ди Борго. Однако начать активную деятельность российское диппредставительство в Париже смогло лишь в 1815 г., после известного периода, получившего название «Сто дней».

Заключение

Русское посольство в Париже 1807–1812 гг., как и в предшествующий период, находилось на передовой международной политики всей Европы. Можно с уверенностью сказать, что компетенции послов варьировались в зависимости от направления вектора внешней политики русского императора. Приход к власти Александра I кардинально поменял ситуацию, полномочия послов приобрели весьма номинальный характер, что не могло положительно сказаться на внешнеполитических взаимоотношениях двух государств.

Политика конфронтации сменялась дружбой и вновь возвращалась к противостоянию. Именно поэтому русское представительство в Париже, действовавшее в эпоху международной нестабильности, находилось в двойственном положении. В случае обострения кризиса, экспертная оценка посла могла сыграть определяющую роль в принятии решений. Разумеется, так было не всегда, порой Санкт-Петербург и министерство иностранных дел перетягивало «одеяло» на себя. Чаще всего это лишь благоприятствовало эскалации политической напряженности, в которой, однако, и были заинтересованы правящие круги, желавшие стать «спасителями Европы».

Литература

- Борисов 1986 – *Борисов Ю.В.* Шарль-Морис Талейран. М.: Междунар. отношения, 1986. 320 с.
- Губер 2000 – *Губер П.* Мазарини / Пер. с фр. Л. Тарасенковой, О. Тарасенкова. М.: Крон-Пресс, 2000. 512 с.
- Манфред 1980 – *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1980. 775 с.
- Сироткин 1966 – *Сироткин В.Г.* Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция в 1802–1812 гг. М., 1966. 208 с.
- Труайя 1997 – *Труайя А.* Александр I: «Северный сфинкс» / Пер. с фр. Н.Т. Уна-нянц. М.: Молодая гвардия, 1997. 320 с., ил.
- Lossky 1994 – *Lossky A.* Louis 14th and the French Monarchy. New Brunswick, 1994.

References

- Borisov, U.V. (1986), “*Sharl'-Moris Taleiran*” [Charles-Maurice de Talleyrand], International relations, Moscow, Russia.
- Goubert, P. (2000), “*Mazarini*” [Mazarin], Kron-Press, Moscow, Russia.
- Manfred, A.Z. (1980), “*Napoleon Bonapart*” [Napoleon Bonaparte], Mysl', Moscow, Russia.
- Sirotkin, V.G. (1966), “*Duel' dvukh diplomatii: Rossiya i Frantsiya v 1802–1812 gg.*” [The duel of two diplomacies: Russia and France in the years 1802–1812]. Moscow, Russia.
- Troyat, H. (1997), “*Aleksandr I: 'Severnyi sfinks'*” [Alexander I: “The Northern Sphinx”]. Molodaya Gvardia, Moscow, Russia.
- Lossky, A. (1994), *Louis XIV and the French Monarchy*. New Brunswick, USA.

Информация об авторе

Григорий Д. Галдилов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; ggaldilov@inbox.ru

Information about the author

Grigory D. Galdilov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia; ggaldilov@inbox.ru